

С. О. ШМИДТ

О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1547 г.

События 1547 г. давно уже привлекают историков: с ними связывают изменения в составе и политике московского правительства и перемены в характере Ивана IV. Историки-марксисты, по вполне понятным причинам, основное внимание при изучении этих событий уделили пюньскому восстанию в Москве. О «народном бунте 1547 года», объединившем в один огромный взрыв мелкие «сопротивления властям», писал М. Н. Покровский, подчеркивавший политические причины движения и то, что оно «не было местным, московским».¹ В середине 30-х годов И. И. Смирнов изучал Московское восстание 1547 г. в связи с другими восстаниями в годы малолетства Ивана IV и попытался определить этапы классовой борьбы в Российском государстве в первой половине XVI в.² И. И. Смирнов написал и первую специальную работу о Московском восстании 1547 г.³ Сведения об этом восстании прочно вошли в научно-исследовательские и научно-популярные труды и в учебные пособия (С. В. Бахрушина, А. А. Зимина, П. П. Смирнова и других ученых). Московское восстание рассматривается как крупнейшее событие политической истории России XVI столетия, во многом определившее дальнейшее развитие политической жизни в стране. Однако и до сих пор еще история восстания 1547 г. исследована не полностью. Это является следствием прежде всего состояния источниковой базы.

Изучение истории народных движений в России середины XVI в. очень усложнено из-за малого количества источников, в которых встречаются сведения об этих событиях. Документы,

¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I. Изд. 4. М., 1922, стр. 208 (см. также стр. 224, 234).

² И. И. Смирнов. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI века. Пробл. истории докапит. обществ., 1935, № 9—10.

³ И. И. Смирнов. 1) Московское восстание 1547 г. *Вопр. истории*, 1953, № 12; 2) *Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века*, ч. I, гл. 8. М.—Л., 1958.

непосредственно отражающие настроения и интересы участников восстания, неизвестны. Не сохранился и материал приказного делопроизводства об этих событиях, и основными источниками являются нарративные, причем такие, которые вышли из-под пера лиц, классово враждебно настроенных по отношению к восставшим. К тому же большинство этих источников — позднейшего происхождения и имеющие в них сведения о событиях 1547 г. скупы и разноречивы.

В сохранившихся источниках сведения о восстании помещены вместе со сведениями о других событиях того времени, прежде всего о московских пожарах, особенно о «великом пожаре» 21 июня 1547 г. (при этом пожары обычно описаны подробнее, чем восстание), — и история восстания изображается в теснейшей взаимосвязи с этими событиями.

Обозрение сведений письменных источников о московских событиях июня 1547 г. убеждает в том, что события эти произвели сильное впечатление на современников. Не только в Москве, но и в других районах Российского государства многое знали и о пожаре и о Московском восстании, проверяли и сопоставляли известия об этих событиях (это ясно прослеживается по Четвертой новгородской летописи). Составители официальных московских летописей, понимая, что изложение этих событий не может способствовать возвеличению самодержавия, постарались изобразить их нарочито кратко и нечетко, более кратко и тенденциозно, чем в неофициальных летописях. Именно в неофициальных летописях встречается указание на созыв по воле народа «веча» и «мира», а в Новгородской летописи (отражавшей интересы и верхов посада) находим наиболее интересные подробности о восстании. Хотя достоверные сведения постепенно смешались с полуполюгандными, для современников было ясно, что события эти имели большое историческое значение, а потомки писали о них в исторических сочинениях, составлявшихся и много десятилетий спустя.

Так как события 1547 г. воспринимались (согласно исторической традиции) как особенно значительные, описание этих событий и даже упоминание о них тенденциозно использовалось публицистами для обоснования и популяризации тех или иных политических или историко-философских взглядов. Иван Грозный обратился к этим историческим фактам, характеризуя их как пример антицаристских действий боярства, натравившего «чернь» на государя и его семью. Курбский акцентировал внимание на проповеди Сильвестра, стараясь этим описанием подкрепить свою теорию о «мудрых советниках». Церковные писатели настойчиво напоминали о наказании за грехи и о предвидении страшных бедствий Василием Блаженным.

Всем этим публицистам, как и другим выразителям феодальной идеологии, свойственно полное небрежение к мнению самого

народа, который лишен, в их представлении, исторической самостоятельности и способен действовать только по указке вождей или наущению знати либо как слепое орудие божественного промысла. И восстание трактовалось, в соответствии с подобными общенсторическими воззрениями, прежде всего как эпизод политической борьбы в среде господствовавшего класса. Свидетельства письменных источников о событиях 1547 г. — интересный пример различного толкования исторических фактов при общности историко-философского мировоззрения авторов.

Дополнения (даже разночтения) в различных летописях и других памятниках публицистики, сообщающих об одном и том же событии, обычно не являются случайными приписками более памятливого или осведомленного автора, а чаще всего отражают определенную тенденцию в описании и истолковании события. Поэтому ко всем таким отличиям в летописных текстах надо относиться сугубо осторожно и стараться понять причины появления дополнений (или подновлений) в одном летописном тексте и невключения таких данных в другой текст, упоминающий о том же событии. Умолчание источников или сознательное искажение в них фактов иногда тоже многое может разъяснить исследователю.

Глубокое ленинское наблюдение — «мы можем иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения»⁴ — помогает историковедам и при изучении источников, относящихся отнюдь не только к периоду империализма.

Ограниченность источниковой базы побуждает прибегать к историческим аналогиям, к поискам примеров употребления в других исторических источниках таких же или схожих терминов. Особенно много дают в этом плане памятники, а также и исследования по истории так называемого «Смутного времени», и прежде всего монография И. И. Смирнова «Восстание И. И. Болотникова. 1606—1607 гг.».

Исследованиями последних лет выяснены многие обстоятельства Московского восстания июня 1547 г., вспыхнувшего вскоре после «великого пожара» 21 июня; определены важнейшие моменты восстания — созыв вече, а затем и убийство 26 июня в Кремле князя Ю. В. Глинского (дяди царя), и расправа с людьми и слугами Глинских, и поход москвичей 29 июня в подмосковное село Воробьево (где укрылся царь Иван).

Задача настоящего сообщения: уточнить данные об этапах восстания, участниках его и о значении этого события для пративительственной деятельности последующих лет.

Волнения в Москве возникли, видимо, вскоре после пожара.⁵ Об этом говорили уже на второй день после пожара на «чрезвы-

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 16.

⁵ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 122; А. А. Зимиц. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 298.

чайном заседании Боярской думы» в покоях митрополита.⁶ Возбуждение москвичей все усиливалось. Не случайно Иван IV (никогда не отличавшийся храбростью) считал за благо отсиживаться в селе Воробьево; там же, по мнению москвичей, скрывались бабка и дядя царя — Анна и Михаил Глинские. В это время москвичи собирались «вечем».⁷ И назначенная на 26 июня торжественная служба в Успенском соборе справедливо рассматривается И. И. Смирновым как «политический шаг, имевший целью не допустить взрыва народного возмущения, — своего рода противовес вечу черных людей».⁸

В кратком летописце, озаглавленном «Летописец, написан из старых летописцев, что учинилось в Московском государстве и во всей Руской земле», читаем, что во время «мятежа великого» «на Москве убили миром боярина Юрия Васильевича Глинского» (здесь и далее разрядка наша, — *С. Ш.*)⁹

Упомянутые в источниках слова «вече» и «мир», редко употреблявшиеся в памятниках той поры, свидетельствуют о многом. «Вече» — это организованное собрание, созывавшееся колоколом; притом зачастую так назывались собрания, повторявшиеся не один раз, — например, во Пскове в 1534 г., во время событий, связанных с раскрытием заговора кн. М. Л. Глинского.¹⁰ В том же Пскове во время восстания летом 1609 г. «черные люди... свирепо распыхауся, яко лвы собрашася среде града и позвониша

⁶ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 125.

⁷ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I. М., 1940, стр. 162—163; С. О. Шмидт. Продолжение Хронографа редакции 1512 года. Истор. архив, 1951, № 7, стр. 292, 258.

⁸ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 130.

⁹ Сведения эти, первоначально выявленные по одному списку, были уже введены в научный оборот (см.: С. О. Шмидт. Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. Пробл. источниковедения, вып. V, 1956, стр. 281). В настоящее время известно семь списков этого Краткого летописца — все списки XVII в. Выяснилось, что Краткий летописец, изложение событий в котором доведено до 1660-х годов, примерно тогда же и был окончательно составлен. Составителем его оказался известный церковный писатель, келарь Троице-Сергиева монастыря Симон Азаркин (обнаружены черновики Летописца, много дающие для ознакомления с лабораторией составления подобных сочинений). Краткий летописец состоит из нескольких частей, причем в основу первой части, излагающей события до конца XVI в., был положен какой-то летописец XVI же столетия. Характерно, что в Кратком летописце, очень лаконично сообщаемом о важнейших (с точки зрения составителя) исторических событиях, ничего не написано о московских пожарах, а выделен факт массового восстания. Очевидно, что именно это-то событие 1547 г. особенно запечатлелось в памяти русских людей XVI—XVII столетий.

¹⁰ АЗР, т. II, № 179; И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 128, примеч. 25. — В Никоновской летописи под 1305 г. отмечается, что в Нижнем Новгороде «избиша черныя люди бояра», а кн. Михаил Александрович, прийдя из Орды, «изби всех вechников, иже избиша бояра» (ПСРЛ, т. X, стр. 176). Следовательно, убийство бояра произошло на вече.

на вечь».¹¹ Любопытно, что в другой псковской повести, описывающей это выступление, читаем: «великое волнение в мире».¹²

Значение термина «мир» менее определенное. Так называл¹³ вообще общество — и в городе и в деревне. Так именовали светских людей («мирян») в отличие от духовенства.¹³ Соответственно «миром» называли и мирской сход, в частности в московских слободах XVII в.¹⁴ Отсюда и выражение «стоять миром». «В миру» читали царские и митрополичьи грамоты и другие документы.¹⁵ «Мир» считался значительной общественной силой, и эти представления отразились и в фольклоре: «Если все миром вздохнут, и до царя слухи дойдут»; «Как мир вздохнет, и временщик издохнет»; «Мир с ума сойдет — на цепь не посадишь»; «Мир зинет — камень треснет»; «Собором и черта поборешь».¹⁶

В XVI и особенно в начале XVII в. мирской сход, именовавшийся «миром», играл большую роль в политической жизни Москвы. Так, в разрядных записях 1605 г. — времени, когда Лжедмитрий I приближался к Москве, — читаем: «И на Лобном месте Богдан Бельский учал говорить в мир: яз за царя Иванову милость ублюю царевича Дмитрия, за то и терпел от царя Бориса. И услыша то, и досталь народ возмутился и учили Годуновых дворы грабиты; а иные воры с миром пошли в город, и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царщины пограбили».¹⁷ Из другой разрядной записи узнаем: «и того же дни в субботу миром, всем народом грабили на Москве

¹¹ ПСРЛ, т. V, стр. 69; М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в. В сб.: Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию академика В. И. Волгина, М., 1955, стр. 188.

¹² М. Н. Тихомиров. Псковские повести..., стр. 183.

¹³ Так, на похоронах Иоанна Большого Колпака «по государеву приказу много было белых священников, и дьяконов много же было, а миру было песметно» (М. Кузнецов. О блаженном Иоанне Большом Колпаке. ЧОИДР, 1896, кн. 2, Смесь, стр. 6). Здесь «миряне» как бы противопоставляются духовенству.

¹⁴ См.: С. К. Богоявленский. Состав Московского слободского схода. Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922. — Не раз, например, встречается слово «мир» в сборнике документов «Восстание 1662 г. в Москве» (сост. В. И. Буганов, М., 1964).

¹⁵ Например, «Повесть о чудесном видении» протопопа Терептия читалась во время восстания Болотникова в московском Успенском соборе «вслух на весь народ, а миру собрание было велико» (РИБ, т. XIII, стб. 177; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951, стр. 184). В челобитной 1665 г. написано: «...вели государь, сию мою изветную явку принять Тарнаского городка церковному старосте Дементью Силину, принять и в миру прочесть, и извет мой записать» (Архив ЛОИИ, Коллекция Зипченко, № 91). Подобных примеров можно подыскать немало.

¹⁶ См.: Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957, стр. 404, 405.

¹⁷ С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907, стр. 5.

многие дворы боярские, и дворянские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили». ¹⁸ Ту же формулу об убийстве миром находим, как отметил И. И. Смирнов, и в известии хронографа об убийстве Лжедмитрия I во время народного восстания 17 мая 1606 г.: «На Москве Гришку Розстригу убили миром всем». ¹⁹ В летописи об этом же событии написано: «возмается мир весь, придоша по дворам приступать». ²⁰ Неоднозначный смысл слова «мир» и в то же время особое политическое значение «мира» как схода заметны в описании Пискаревским летописцем царствования Василия IV Шуйского: «А житие его царское было на престоле царском всегда з бедами, и з кручины, и с волнением мирским, зачастые миром приходяще и глаголаше ему снити с царства, и за посох имаше и позориша его многожды». ²¹

Таким образом, в неофициальных летописях написано, вероятнее всего, об организованных собраниях (вечевых собраниях) посажан ²² Москвы в июне 1547 г. И такой смысл и следует вкладывать в нарочито неясные и злобно-иренебрежительные слова официальной летописи о «черных людях града Москвы»: «восколебашася яко юроди». ²³

Москва, как пишет И. И. Смирнов, «в эти дни, очевидно, фактически находилась во власти черных людей, и правительство было бессильно подавить восставших». ²⁴ А. А. Зимин считает возможным говорить даже о «зачатках аппарата, создавшегося в ходе восстания». ²⁵ Очень вероятно, что столкновение черных людей и вооруженных людей Глинских (которых «безчисленно побиша») длилось не один день, — и события эти напоминают известные нам сцены многодневных кровавых столкновений в Москве в годы так называемого Смутного времени.

Следующая дата, названная в источниках, — это 29 июня. 29 июня, по словам новгородского летописца, «бысть смятение людем московским: поидоша многие люди черные к Воробьеву и с щиты и с сулицы, яко к боеви обычаи имаху, по кличу палача». ²⁶ Вероятнее всего, что черные люди вооружились еще в предыдущие дни, во время столкновений с детьми боярскими. Царственная книга кратко и менее определенно сообщает:

¹⁸ Там же, стр. 201.

¹⁹ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 135, примеч. 45.

²⁰ ПСРЛ, т. XIV, стр. 69.

²¹ Материалы по истории СССР, вып. II, М., 1955, стр. 128.

²² Термин «посажане» обозначал в середине XVI в. жителей посада. Именно в таком смысле он приводится в царской грамоте 1555 г. жителям Тотьмы (Амвросий. История российской иерархии, ч. VI. М., 1815, стр. 418) и в других источниках.

²³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 154, 457; т. XXIX, стр. 54.

²⁴ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 131.

²⁵ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 307.

²⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 621.

«приходивша многие люди чернь скопом ко государю в Воробьево».²⁷ Слово «скоп» означало на языке XVI—XVII вв. «большую силу».²⁸ Об этом походе восставших москвичей подробно и достаточно убедительно написал И. И. Смирнов, который отметил, что в Воробьево двинулась не толпа, а городское ополчение, призванное к оружию по кличу палача, действовавшего от имени и по «велению» земских органов Москвы. Как думает И. И. Смирнов, эта воля московского посада, может быть, была вновь сформулирована на вече.²⁹

О цели похода в Воробьево читаем только в Первом послании Ивана Грозного Курбскому 1564 г. и в Царственной книге (составленной, видимо, не ранее конца 1570-х годов).³⁰ Новгородская летопись, более близкая по времени написания к событиям 1547 г. и сохранившая наиболее важные для нас подробности похода в Воробьево, прямо не сообщает цели похода. Согласно версии Ивана Грозного и Царственной книги, единственной причиной похода в Воробьево было желание расправиться с остальными Глинскими (Михаилом и матерью его Анной), которых якобы царь скрывал у себя в загородном дворе. И восставшие были готовы даже «убить царя» за это. (Зачинщиками похода царь, конечно, изобразил «изменников» бояр, которые «наустили народ и нас убить».)³¹

А. А. Зимин полагает, что народ вооружился не только для того, чтобы покончить с Глинскими, но и для того, чтобы выдержать оборону от войск татарского хана, если бы подтвердились слухи о его приближении к Москве.³² Вторжения внешних врагов и раньше способствовали обострению классовой борьбы. Неумение воевод обороняться от врагов, защитить жителей от чужеземцев являлось и прежде поводом для городских восстаний. В 1521 г. во время нашествия крымских и казанских орд «мятеж учинал по всем городам велик и до Галеча».³³ Более подробные известия сохранились о восстании «мужиков гороховцев» зимой 1544/45 г., когда народному ополчению жителей Гороховца удалось отразить натиск большого отряда казанцев и пленить «голову их Аманака князя», а «воеводы великого князя... не успе им (татарам) ничего». Возмущенные бездействием правительственных войск,

²⁷ Там же, т. XIII, стр. 456.

²⁸ «Много злой их проклятой скоп побили», — читаем в грамоте патриарха Гермогена при описании сражения под Тверью между правительственными войсками и войсками Болотникова (ЛЛЭ, т. II, № 58; см.: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 190).

²⁹ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 132—133.

³⁰ См.: С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного. Сов. архивы, 1966, №№ 1, 2.

³¹ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 35.

³² А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 306.

³³ Г. З. Купцевич. История о Казанском царстве или Казанский летописец. ЛЗАК, вып. 16, СПб., 1905, стр. 602.

«воеводу Фоку Воронцова с товарищи хотели гороховцы камнем побить за то, что они с казаньскими людьми не делали бою, а их упустили».³⁴

То, что произошло затем в Воробьеве, описывается и истолковывается в источниках совершенно по-разному. В «Летописце начала царства» и в Царственной книге (где этот текст остался без изменений) сообщается о том, что царь «повеле тех людей пмати и казнити. Они же мнози разбегошася по иным градом, видяще свою вину, яко безумием своим сие сотвориша».³⁵ По Новгородской же летописи Иван IV, «того не ведая, узрев множество людей, удивися и ужасеся, и, обыскав, яко по повелению приидоша, и не учини им в том опалы, и положи ту опалу на повелевших кликати».³⁶ И. И. Смирнов показал, что «все преимущественно в смысле достоверности находятся на стороне» Новгородской летописи.³⁷

Иван IV, видимо, не ожидал прихода вооруженных москвичей в Воробьево и «узрев множество людей, удивися и ужасеся». Царь и его окружение вынуждены были маневрировать, чтобы не допустить повторения событий, имевших место в московском Кремле. Возможно, что царю даже пришлось вступить в какие-то переговоры с восставшими,³⁸ во время которых выяснилось, что москвичи «по повелению приидоша». Думается, что именно так следует понимать смысл выражения «обыскав».³⁹ Во время переговоров с посажанами их, очевидно, убеждали в том, что Глинские не скрываются в Воробьеве, а вести о приближении крымских войск оказались неверными. Можно полагать, что посажанам обещали проведение каких-то желанных ими правительственных мероприятий. Обещана была и отставка Михаила Глинского.

Высказывается мнение, будто бы у царского стана восставшие были встречены вооруженными дворянами, обращены в бегство, а некоторые были пойманы и казнены, что в Москве затем начался строгий сыск, причастных к восстанию вылавливали и казнили, а участники восстания, в первую очередь его организаторы, не имея возможности скрыться в Москве — «так силен был террор», — прятались в других городах.⁴⁰ Мнение это представ-

³⁴ С. О. Шмидт. 1) Продолжение Хронографа редакции 1512 года, стр. 290; 2) Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549). Труды МГИАИ, т. 6, М., 1954, стр. 249, 256.

³⁵ ПСРЛ, т. XIII, стр. 154, 457, и т. XXIX, стр. 54.

³⁶ Там же, т. IV, ч. I, вып. 3, стр. 621.

³⁷ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 134.

³⁸ Там же.

³⁹ И. И. Смирнов (Очерки..., стр. 135) толкует выражение «обыскав» Новгородской летописи как обещание произвести «сыск». А. А. Зимин (Реформы Ивана Грозного, стр. 308) пишет в этой связи о «тщательном розыске».

⁴⁰ Д. Н. Альшиц. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. Труды ГИИ, т. I (IV), Л., 1957, стр. 138; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 308 (А. А. Зи-

ляется недостаточно основательным. Данные источников говорят об обратном. Царь и правительство не решились казнить участников восстания («не учини им в том опалы»). Видимо, опала «на повелевших кликати» коснулась немногих, а вернее всего и не была особенно жестокой. Ведь даже в «Летописце начала царства» отмечается не только повеление царя схватить и казнить участников восстания, но и то, что многим из них удалось уйти в другие города. Политическая ситуация лета 1547 г. никак не подходила для совершения массовых казней.

Свидетельства источников подтверждают, что правительство Ивана IV и сам царь вынуждены были продолжать политику уступок и поблажек, начатую еще сразу после пожара. Царь уже в день пожара обратился, «прослезився», с речью к москвичам и обещал материальную помощь пострадавшим, а на следующее утро в Успенском соборе «много моления соверши и слезы доволны излиа». ⁴¹ Успокоить народ пытались правительственные деятели и утром 26 июня, когда для переговоров с восставшими, подставившими к Успенскому собору, вышли лица, названные во вставке в Царственной книге. Переговоры — обычное явление во время волнений «черни». ⁴²

Выбор лиц для переговоров с восставшими 26 июня вряд ли случаен — он должен был продемонстрировать единение правительственных деятелей, общность их усилий по установлению нарушенного общественного порядка. В Царственной книге назван дядя царицы, старейший из Захарьиных, — Г. Ю. Захарьин, брат боярина М. Ю. Захарьина, очень влиятельного в Москве в 30-е годы. Ф. М. Нагой был близок к Старицким. Боярин кн. Ф. И. Скопин-Шуйский принадлежал к группировке Шуйских и так же, как и кн. Ю. И. Темкин-Ростовский, после казни Андр. Шуйского в 1543 г. был отправлен в ссылку. И. П. Федоров, тесно связанный родством с исконным московским боярством и Овчининными-Оболенскими, менее года назад попал в опалу, а пасынка его казнили в январе 1547 г. В 60-е годы о Федорове говорили, что «он один имел обыкновение судить праведно, почему простой люд был к нему расположен». ⁴³ Федор Бармин — духовник царя. Он участвовал в январе 1547 г. в торжественном публичном венчании Ивана IV царским венцом, нес царские

мин, вслед за С. В. Бахрушиным, сводит в одно две версии: Царственной книги и Новгородской летописи).

⁴¹ См.: И. А. Жарков. К истории московских пожаров 1547 г. Истор. архив, 1962, № 3, стр. 225, 226.

⁴² В мае 1584 г., когда «чернь московская» приступила к Фроловским воротам Кремля, правительству пришлось послать «ко всей черни» для уговоров думного дворянина М. А. Безина и дьяка А. Я. Щелкалова, которые «чернь уговорили и с мосту сослали», чем и водворили спокойствие в столице (см.: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 83—84).

⁴³ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925, стр. 79.

регалии и шел впереди государя с крестом и святой водой. В связи с этим имя его, по мнению В. Ф. Миллера, было внесено в легенду и сказку о добывании царских регалий.⁴⁴ Вероятно, среди бояр, находившихся на площади, был и кн. Ю. В. Глинский, — он, видимо, изображен и на первоначальной миниатюре Царственной книги (л. 268). Присутствие Глинского должно было бы еще в большей мере символизировать единодушие в правительственной среде. Уговоры, однако, не помогли, и пришедшие требовали расправы с теми, кого считали виновниками бедствий. . .

Еще Н. М. Карамзин отметил, что после восстания 1547 г. «государь изъявил попечительность отца о бедных: взяли меры, чтобы никто из них не остался без крова и хлеба».⁴⁵ Возможно, что имела место и амнистия, наподобие данной Борисом Годуновым в 1598 г.⁴⁶

Михаил Глинский был отстранен от власти. Упоминание его имени на первом месте в росписи похода Ивана IV июля 1547 г.⁴⁷ в Коломну вовсе не говорит еще о том, что он «пытался бороться за удержание своих позиций в окружении Ивана IV».⁴⁸ Поход к Коломне, видимо, не состоялся (в официальной летописи о нем нет упоминаний), и в разрядную книгу была включена роспись воевод лишь предполагавшегося похода. Составлена же эта роспись была, вероятнее всего, в связи со слухами о приближении крымских войск, т. е. еще тогда, когда Глинский был у власти. Да и трудно предположить, чтобы после всего, что произошло, царь демонстративно поставил во главе войска человека, столь ненавистного только что бунтовавшему народу. В дошедшем до нас (в поздней копии) списке думных чинов отмечено под 1547 г.: «Отставлен боярин и конюший князь Михайло Васильевич Глинский».⁴⁹ (Можно думать, что и отправленные М. В. Глинского затем воеводой в далекое Поволжье объяс-

⁴⁴ См.: В. Ф. Миллер. К сказкам об Иване Грозном. Изв. ОРЯС, 1909, т. XIV, кн. 2, СПб., 1909, стр. 102—103. — В. Ф. Миллер сближает Федора Борму или Барму сказки и Федора Бармина.

⁴⁵ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII, СПб., 1819, стр. 401. — Из летописца первой половины XVIII в. (едва ли не татищевского?) узнаем о том, что Иван IV «людям же повеле раздавати казну свою по рублю и по два и по пяти, а по церкви каменные положит по 20 рублей» (РО ГБЛ, ф. Рум., № 257, л. 56). Быть может, именно после событий июня 1547 г. Иван IV «велел петь панихиды и обедню служить митрополиту собором по великих князей и по всех побиенных на боях, по всех, и повеле в полате кормити митрополита и соборы иопов и диаконов и всех пречетников церковных» (РО ГБЛ, Собр. Большакова, № 423, л. 115—115 об. — «Летописец Русский», ркп. XVIII в.).

⁴⁶ См. об этом: В. И. Кореткий. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. (К проблеме «заповедных лет» и отмены Юрьева дня). История СССР, 1957, № 1, стр. 188.

⁴⁷ ДРК, стр. 123; См. также: Разрядная книга 1475—1598 гг. (Подг. к печати В. И. Буганов.) М., 1966, стр. 110.

⁴⁸ И. И. Смирнов. Очерки. . ., стр. 135, примеч. 46.

⁴⁹ ДРВ, ч. XX, стр. 34.

нялось не столько изменением к нему отношения царя, сколько опасением, что пребывание Глинского в Москве станет снова поводом народного выступления).

Восстание продолжалось примерно неделю и многим — даже в деталях — напоминало так называемый «Медный бунт» 1662 г. В начале июля общественное возбуждение, по-видимому, уже спало.⁵⁰

Состав участников восстания определить не просто. В официальных летописях и в сочинениях Ивана Грозного употреблены недостаточно определенные термины «черные люди», «чернь». Облегчает положение исследователя новгородский летописец. Привыкший к столкновениям на посаде, он уточняет: в восстании участвовали и «большие люди» и «черные люди».⁵¹

«Большие люди» — это верхушка посада, городской патрициат. Именно «большие люди» занимали обычно и руководящее положение в аппарате городского самоуправления. «Черные люди» новгородского летописца — это, очевидно, остальные посажане.⁵² К числу черных людей принадлежали свободные ремесленники, дворы которых пострадали во время апрельских и июньского пожаров.

Вероятно, значительную активность в июньских событиях 1547 г. обнаружили деклассированные элементы. Среди них немалую роль могли играть и обедневшие дети боярские — из среды тех, против похолопления которых протестовал Пересветов. Иван IV жаловался через несколько лет Стоглавому собору: «дети боярские и люди боярские проживаются.., а от них всякое зло чинится, крадут и розбивают».⁵³ Особенно общественно опасной казалась челядь опальных бояр.⁵⁴ Таких холопов надлежало отпускать на свободу, и их запрещалось принимать в другие дома.⁵⁵ В Москве после опал виднейших правительственных деятелей в 1546—начале 1547 г., вероятно, было немало подобных голодных и воинственных челядинцев.

Среди участников восстания можно с уверенностью назвать холопов. А. А. Зимин полагает, что организованный побег Феодо-

⁵⁰ 7 июля 1547 г. митрополиту Макарию священноиноку Иерусалимского Савина монастыря Софроний уже имел возможность «сказывать о монастыре» (ОР ГИМ, Собр. Уварова, № 138, л. 72; по описанию Леонида — № 1880).

⁵¹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 3, стр. 620.

⁵² О населении Москвы XVI в. см.: История Москвы, т. I, М., 1952, гл. IV (автор С. В. Бахрушин); М. П. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962 (гл. IV).

⁵³ Стоглав. Изд. Кожанчикова. СПб., 1863, стр. 137—138.

⁵⁴ См.: А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I. М.—Л., 1943, стр. 26 и след.

⁵⁵ РИБ, т. XIII, стб. 484; Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI—начале XVII вв. Истор. зап., т. 15, 1945, стр. 93.

сия Косого и других холопов из числа его сподвижников был связан как раз с Московским восстанием.⁵⁶

Можно подозревать участие в восстании и немосквичей — прежде всего челобитчиков из других городов. В Москве, при законенной системе окончательного решения по многим делам именно в центральных правительственных учреждениях, находилось много челобитчиков. Так, когда в 1544 г. «промеж себя брань была велика во Пскове большим людем с мешшими», обе стороны обращались с жалобами к московским властям, отчего были «езды многие к Москве, и денги многие травили».⁵⁷ Челобитчикам обычно приходилось задерживаться надолго в столице.⁵⁸ Такие челобитчики имели серьезные основания быть недовольными деятельностью правительственных чиновников. Постоянно общаясь друг с другом, они находились в атмосфере оппозиционных настроений и питались сведениями о злоупотреблениях властей, взяточничестве, неразберихе в управлении в центре и на местах. Они же становились и переносчиками новостей в свои города и села. Вполне возможно, что подобные иногородцы, обнищавшие и обиженные, также примкнули к восставшим. В Москве обычно было и немало иногородцев, пришедших в поисках заработка, — не следует забывать, что XVI в. — это век особого развития бродяжничества. Такого рода иногородцы обычно смешивались с местным люмпенпролетариатом.

Состав активных участников «смятения» был, видимо, неодинаковым в разные моменты восстания. Описывая события 26 июня, новгородский летописец счел необходимым дополнить первоначальный текст указанием на то, что не только «черные люди», но и «большие люди» участвовали в расправе с Юрием Тилинским. Об участии же «больших людей» в «смятении людем московским» 29 июня не написано: в Воробьево, согласно летописному тексту, пошли «многие люди черные».⁵⁹ Если это отличие в описании летописцем событий 26 июня и 29 июня не случайно, то у нас имеются основания (подтверждаемые и другими косвенными доказательствами — и прежде всего реформами последующих лет) говорить о двух этапах восстания.

Волнение продолжалось примерно неделю, начавшись сразу же после пожара (об этом говорили уже на второй день после по-

⁵⁶ А. А. Зимин и И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 183.

⁵⁷ Псковские летописи, т. I, стр. 111; С. В. Бахрушин, Научные труды, т. I, М.—Л., 1952, стр. 209.

⁵⁸ В одном из документов середины XVI в. (относящемся, однако, к 1558 г.) челобитчики, для разбора своего дела приехавшие из Подвинья в Москву, горько жаловались: «...и по ся места на Москве за теми дельи жили и проедалися, и в волоките они одолжали и промыслу они отстали» (С. О. Шмидт. Неизвестные документы XVI в. Истор. архив, 1961, № 4, стр. 153).

⁵⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 3, стр. 261.

жара на совещании у Макария). На нервном этапе, кульминационным моментом которого были события в Кремле 26 июня, во главе посажан стояли «большие люди». На втором этапе, кульминационным моментом которого были события 29 июня, «большие люди», возможно, уже старались сдерживать остальных восставших.

Это изменение позиции «больших людей» могло произойти тогда, когда стало ясным, что восстание, начавшееся народным мятежом против придворных фаворитов,⁶⁰ перерастает в выступление вообще против власть имущих и богатых. (Первым актом такого выступления было ограбление имущества многих детей боярских в Москве после убийства Ю. Глинского). «Большие люди», убедившись в том, что события получают развитие, опасное и для городского патрициата, постарались отколоться от остальных участников восстания (в этом же плане могли на них воздействовать и правительственные деятели) и 29 июня, вероятно, уже помогли правительственным деятелям установить более безопасные формы взаимоотношений с восставшими — контакт и союз верхушки московского посада с боярством характерен для политической истории России XVI—XVII вв.⁶¹

Скудость сохранившегося фактического материала является большим препятствием при попытках определить характер восстания. «... Об исторических событиях надо судить по движениям масс и классов в целом, а не по настроениям отдельных лиц и группок»,⁶² — учил В. И. Ленин. Но о «движении» народа в 1547 г., как отмечалось уже, мы знаем лишь из источников, враждебно к нему настроенных; не обнаружено ни одного документа, вышедшего из среды восставших или отражавшего истинные «настроения» восставших.

Ясно только, что восстание было массовым, — в этом плане данные всех источников сходятся. В той или иной степени восстание охватило всех посажан города Москвы. Очевидно и то, что общественное возбуждение в какой-то мере перекинулось и на другие районы страны,⁶³ и события 1547 г. заставляют историка вспомнить о восстаниях 1648 г.

⁶⁰ См. замечания К. Маркса о восстаниях в средневековой Испании: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 10, стр. 425—426 (статья «Революционная Испания»).

⁶¹ См.: И. И. Смирнов. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в., стр. 100; П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба, т. I. М.—Л., 1947, стр. 107.

⁶² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 85.

⁶³ См. об этом: А. А. Зимин. Реформа Ивана Грозного, стр. 308 и сл. — Сформулированная в книге А. А. Зимина мысль о поддержке в июне 1547 г. «выступления московских горожан в какой-то мере и деревней» (стр. 306) очень соблазнительна, и дальнейшие изыскания, можно верить, подтвердят ее правильность. Однако приведенный пример — грамота Ивана IV от 28 июня 1547 г. — не относится к теме. Волнения в Москве начались не ранее 21 июня и достигли своего апогея 26 июня.

Восстание носило стихийный характер. Конечно, правы исследователи, отмечая, что причиной восстания были крепостнический гнет, ухудшение положения посажан и крестьян. Но глубинные причины восстания, понятные историкам-марксистам, вовсе не были ясны самим участникам восстания и современникам этого события. Более или менее ясны были им лишь ближайшие поводы к восстаниям.⁶⁴ В лучшем случае некоторые из них сознавали причинную связь усилившегося произвола правителей и народного возмущения. Об этом пишет новгородский летописец: «Наипаче же в царствующем граде Москве умножившиися неправде и по всей Росии велможь, насилствующих к всему миру и неправо судищих, но по мзде, и дани тяжкие... понеже в то время царю... уну суцу, князем же и бояром и всем властелем в бестраши живущим».⁶⁵ Схожее объяснение находим в соборных речах царя конца 40—начала 50-х годов.

Московское восстание представляло собой, как и другие подобного типа восстания в Средние века, «примитивный бунт». А такие «примитивные бунты» были, по определению В. И. Ленина, «гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*».⁶⁶

Мысли большинства участников восстания были значительно мельче объективного содержания их борьбы. «Черные люди» борлись не столько «за», сколько «против».⁶⁷ Смысл их борьбы — уничтожение существующих условий жизни и устранение тех, кто особенно виновен или кажется особенно виновным в тяжком положении «черных людей». Можно полагать, что у «черных

Грамота же датирована 28 июня, и в ней говорится о селах Троице-Сергиева монастыря не только в Московском, но и в Звенигородском уездах. Для того чтобы волна недовольства докатилась до Звенигородского уезда и сведения об этом дошли до монастырских властей (в Москве или в Троице-Сергиеве), требовалось больше времени. Следовательно, упоминаемые в грамоте факты нарушения владельческих прав монастыря не могли быть ответом местного населения на Московское восстание конца июня 1547 г. Думается, что и содержание грамоты (точнее, цитаты из нее) не дает основания рассматривать этот факт как пример волнений именно трудового населения «деревни». Ведь по грамоте «ходят... роци сець» не только «селчане» монастыря, но и «дети боярские и городцкие люди». (Об этой грамоте см.: С. М. Каштапов. 1) Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548). Истор. записки, т. 66, стр. 264; 2) Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Археографический ежегодник за 1957 год, М., 1958, стр. 371). Возможно, правда, что в списке XVII в. неправильно написан месяц, и надо читать не «июш», а «июль», так как в напряженной обстановке конца июня 1547 г. правительству было не до выдачи грамот.

⁶⁴ Ценный материал об этом приведен в книге: Н. Е. Погов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957, стр. 218 и след.

⁶⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 3, стр. 620.

⁶⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30.

⁶⁷ См.: Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 313—314.

людей» не было никакой политической программы. «Безграмотный человек, — писал В. И. Ленин, — стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика».⁶⁸ Поэтому «черные люди» легко могли оказаться на поводу у тех, кто сознательно распускал слухи о поджоге Москвы Глинскими и об изменнических переговорах Глинских с крымцами. Поэтому-то и требования «черных людей» сводились прежде всего к требованиям расправы с Глинскими и их советниками (олицетворявшими в их представлении произвол властей) и организации защиты от внешнего врага.

«Большие же люди», вероятнее всего, имели более позитивную программу. Об этом позволяет судить содержание правительственной политики последующих лет, и в первую очередь проекты реформ и реформы конца 40—50-х годов. В результате реформ верхам посада были предоставлены большие права в местном самоуправлении, а также право участия в земских собраниях, были сокращены выборы кормленщикам, а потом вовсе уничтожена система кормлений. Судебник 1550 г. четко разделил посадское население в зависимости от состоятельности на три группы (статья 26). Не исключено, что эти поправки верхушке посада были обещаны еще в ходе восстания, что неожиданное для правительства участие всех прослоек посажан в восстании побудило принять особые меры с целью привлечения на свою сторону верхов посада. Следовательно, «политические выгоды» в итоге восстания извлекли не только «политические противники Глинских из враждебной им группировки»,⁶⁹ но и верхи посада.

Восстания низов заставили феодалов на время прекратить взаимную вражду и сплотиться для проведения политики, укрепляющей государственную власть. Маркс и Энгельс не раз отмечали, что вражда внутри господствовавшего класса «сама собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому классу»,⁷⁰ что «высшие классы всегда объединялись для подавления рабочего класса». Маркс конкретизирует это положение примером из истории Франции XI столетия: когда крестьяне подняли восстание, враждовавшие доселе французские и нормандские рыцари «немедленно же забыли свои раздоры и объединились, чтобы раздавить крестьянское движение».⁷¹ Энгельс в этом же плане пишет, характеризуя взаимоотношения сословий в Германии начала XVI столетия: «... Раскол всей нации на два больших лагеря... был при тогдашних условиях просто невозможен; он мог бы лишь приблизительно уметиться только в том случае, если бы восстал низший, эксплуатируемый

⁶⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174.

⁶⁹ И. И. Смирнов. Очерки... стр. 136.

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 46.

⁷¹ Там же, т. 17, стр. 629.

всеми остальными сословиями слой народа: крестьяне и плебеи».⁷²

Эти замечания многое объясняют и в истории России середины XVI в. В России тогда имели место массовые восстания низшего слоя народа в городе и в деревне: в конце 40-х годов, более того — в том же 1547 г., были волнения не только в Москве, но и в других городах, а осень 1547 г. снова выдалась неурожайной — «хлеб родился скудно».⁷³ Повсеместно обнаружилось широкое недовольство политикой правительства, отразившееся и в современной публицистике, где обостряется интерес к вопросу о введении «правды» в Российское государство. Сплоченные и решительные действия диктовались и потребностями обороны, в первую очередь необходимостью незамедлительной борьбы с форпостом вражеской агрессии — Казанским ханством и стремлением удовлетворить внешнеполитические аппетиты господствующего класса. Все это сделало возможным приблизительную временную консолидацию всех прослоек класса феодалов (при поддержке, видимо, правительственных действий и верхами посада).

Конец 40-х годов изумляет обилием служебных назначений, выдвижением в «думцы» новых людей из различных феодальных группировок, сплотившихся «от страху князь Юрьев Глинского убийства».⁷⁴ Однако новые «думцы» — особенно связанные с родственниками царицы — были скорее не правительственными, а придворными деятелями, и едва ли не случайно, что до нас не дошло актов конструктивной деятельности правительства за вторую половину 1547—1548 г. Первоначально старались принимать временные меры, способствующие ослаблению общественного напряжения и угрозы нового взрыва массового недовольства. Целям классовой борьбы была подчинена выдача иммунитетных грамот второй половины 1547—1548 гг.⁷⁵ Очень вероятно, что эту же цель преследовали, организуя утомительный поход царского войска под Казань зимой 1547—1548 гг., — на победу в войне при сложившихся обстоятельствах тогда вряд ли рассчитывали, но таким путем можно было увести из Москвы наиболее воинственную группу недовольных (часть войска затем, видимо, оставили годовать в Поволжье). В то же время торжественное празднование свадьбы брата царя (3 ноября) и то обстоятельство, что сам царь направился во главе войска в Казань («и восхоте ити царьская его держава сам»),⁷⁶ как бы

⁷² Там же, т. 7, стр. 358.

⁷³ С. О. Шмидт. Продолжение Хронографа редакции 1512 года, стр. 294.

⁷⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 457.

⁷⁵ С. М. Каштанов. Феодальный иммунитет в годы боярского правления, стр. 264 и сл.

⁷⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 158, 460.

всенародно демонстрировали единодушие в правительственной среде.

К началу 1549 г. постепенно образуется «Избранная рада», являвшаяся фактическим правительством и осуществившая важнейшие государственные преобразования и внешнеполитические начинания конца 40-х—50-х годов. Постепенно формулируется и публично декларируется демагогический идеал деятельности «правого царя», призванного заботиться обо всех подданных: представление это отражено в речах Ивана IV на соборах, в «Летописце начала царства», в Приговоре об отмене кормлений. Одновременно принимаются все меры к пресечению возможностей «возмущения» народа публичными рассуждениями на опасные темы⁷⁷ (особенно жестоко преследуются «еретики»). Характерные формы правительственной деятельности тех лет — деятельность Челобитного (или Челобитенного) приказа и первых земских соборов, противостоявших вечевым традициям 1547 г.⁷⁸

Реформы конца 40-х—1550-х годов были прежде всего обусловлены размахом классовой борьбы. Наиболее значительный момент классовой борьбы середины XVI в. — «стихийный взрыв народного гнева»,⁷⁹ Московское восстание июня 1547 г.

⁷⁷ Именно публичность выступления дьяка И. М. Висковатого об иконах в 1553 г. особенно возмутила Макария. «И ты о том всем мнил и говорил не гораздо посреде народа многим людем православиым христианом на съблази, — поучал митрополит дьяка. — И тебе было о тех святых и честных иконах и о прочих церковных вещах пригож приити к святей соборной церкви и правителем церковным извещение положить о своем мнении, а народа православных христиан не возмущати» (ЧОИДР, 1848, кн. 2, стр. 20).

⁷⁸ См.: С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века. История СССР, 1960, № 4, стр. 89—90; Л. В. Черепнин. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. Сб. Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964, стр. 95—97; S. O. Schmidt. Les premiers Zemskie sobory de l'Etat russe a la lumiere des recherches Soviétiques les plus recētes. Cahiers du Monde russe et soviétique. 1965, vol. VI, pp. 501, 502.

⁷⁹ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 135.